

Марджери
Эллингем

СРОЧНО
НУЖЕН
ГРОБОВЩИК

« А З Б У К А »

Расследование ведет Альберт Кампион

Альберт Кэмпиион

Марджери Эллингем

Срочно нужен гробовщик

«Азбука»

1948

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Эллингем М.

Срочно нужен гробовщик / М. Эллингем — «Азбука»,
1948 — (Альберт Кэмпиион)

ISBN 978-5-389-34130-2

Марджери Луиза Эллингем – английская писательница, принадлежащая «золотому веку английской литературы», признанная «королева детектива» наряду с Агатой Кристи, Дороти Сэйерс и Найо Марш. Она выделялась на фоне других авторов этого жанра, по выражению Агаты Кристи, «как горящая лампа». Хозяйка пансиона, озабоченная внезапной смертью постоялицы, просит своего давнего знакомого Альберта Кэмпииона помочь с раскрытием вероятного преступления. Рядом с ее домом находится мастерская по изготовлению гробов, и однажды сыщик замечает роскошный гроб с именем уже похороненного человека на табличке. Еще более странным кажется объяснение гробовщика, будто он сотворил этот шедевр погребального искусства из уважения к джентльмену еще при жизни последнего...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-34130-2

© Эллингем М., 1948
© Азбука, 1948

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Марджери Эллингем

Срочно нужен гробовщик

Margery Allingham

MORE WORK FOR THE UNDERTAKER

Copyright © 1949 by International Literary Properties UK Limited, through its subsidiary Worldwritings Holdings Limited

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

All rights reserved

© М. Д. Литвинова (наследник), перевод, 1992

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

*Вот, извольте-ка, историйка смешная,
Я уверена – мы будем хохотать.
Ибо что на свете может быть приятней,
Чем про новое убийство услышать?!
Срочно нужен гробовщик!
Срочно нужен поставщик
Ленточек, веночков, тубероз.
Всем работка привалила —
Новые нужны могилы,
Чтоб покойничек зимою не замерз.*

Песенка, которую пела в мюзик-холле Т. Е. Данвиль в конце 1880-х

Глава 1

Послеполуденный час шефа полиции

– Как-то раз я обнаружил здесь труп, вон за той аркой, – сказал Станислаус Оутс, останавливаясь перед витриной магазина. – Прохожу мимо и всегда вспоминаю тот случай. Нагнулся я над ним, а он вдруг возьми и вцепись мне в горло холодными пальцами. К счастью, в них уже не было силы. Пока я их отдираю, человек умер. Но, признаться, мне так пришлось пережить несколько «веселеньких» минут. Я тогда был младшим сержантом сыскной полиции.

Он отошел от витрины и двинулся дальше, прокладывая дорогу среди потока пешеходов. Его черный с серыми проплешинами плащ развевался, как мантия директора школы.

Оутс уже полгода возглавлял Скотленд-Ярд, но на внешности его это не отразилось. Он был все тем же мешковатым, небрежно одетым крепышом с неизвестно откуда взявшимся брюшком, а его остроносое, оттененное полями мягкой черной шляпы лицо было все так же печально и задумчиво.

– Я люблю здесь ходить, – продолжал он. – Самая примечательная часть моего участка. За тридцать-то лет знаешь здесь сколько хожено-перехожено?!

– Я вижу, эта улица все еще усыпана для тебя лепестками воспоминаний, – любезно отозвался его спутник. – И чей же был труп? Владельца магазина?

– Нет. Какого-то незадачливого грабителя. Залез на крышу, а она в том месте застеклена. Стекло раскололось, бедняга спикировал вниз и сломал шею. Давно это было, даже страшно сказать, сколько лет назад... Славный выдался денек, а, Кэмпиион? Хоть погреться на солнышке...

Альберт Кэмпиион не ответил, высвобождаясь из рук прохожего, который случайно налетел на него, засмотревшись на шефа полиции.

Праздные лондонцы, спешащие во всех направлениях, не замечали старого детектива, но кое-кто, завидев его неторопливое шествие, говорил себе: «Мудрому карасю от зубастой щуки лучше держаться подальше» – и благоразумно обходил Оутса стороной.

Кэмпиион тоже поймал несколько любопытных взглядов; и его знали, правда, в более узком кругу – поле его деятельности было не столь широко и более специфично. Ему было далеко за сорок; худощавый, высокий, он одевался с той элегантной простотой, благодаря которой человеку легко смешаться с толпой. Лицо под непомерно большими очками в роговой оправе, хотя и обладало всеми признаками зрелости, было, как и в молодые годы, до странности невыразительно. Он имел драгоценное свойство скользить по улице неуловимой тенью, и, как не без зависти заметил один высокий полицейский чин, с первой встречи его никто не боялся.

Он принял беспрецедентное предложение Оутса пообедать вместе весьма сдержанно, а когда шеф столь же неожиданно предложил прогуляться по парку, почувствовал, как внутри крепнет решимость не поддаваться никаким соблазнам.

Оутс, который обычно ходил быстро, а говорил мало, шагнул на этот раз не спеша, лениво поглядывая по сторонам. Вдруг в его холодных глазах зажглись искорки. Кэмпиион проследил за направлением взгляда – тот падал на циферблат часов над дверью ювелира через два дома дальше по улице. Было ровно пять минут четвертого. Оутс довольно фыркнул.

– Хочу полюбоваться цветами, – изрек он и двинулся через дорогу.

Он знал, куда шел: в тени гигантского бука заманчиво приютились несколько зеленых деревянных кресел. Оутс подошел к одному и сел, запахнув полы плаща, обившего ноги, как подол юбки.

В этот час единственным живым существом в парке была пожилая женщина, которая расположилась на одной из скамеек, расставленных вдоль гравийной дорожки. Солнечные лучи

лились на ее согнутую спину и сложенный вдвое газетный лист, целиком поглотивший внимание читательницы.

Она сидела так близко, что Кэмпиион хорошо ее разглядел. Маленькая, кругленькая старушка, облаченная в несколько юбок, сидела, закинув ногу на ногу, и на собранные в гармошку чулки фестонами ниспадали разноцветные подола. Издали казалось, что одна туфля неизвестно зачем набита травой. Зеленые стебельки торчали из всех отверстий, особенно спереди, из выреза для большого пальца. И хотя солнце, можно сказать, припекало, плечи ее грело нечто, бывшее, по-видимому, когда-то меховой накидкой. Лицо было скрыто от Кэмпииона, хорошо виднелись только спутанные пряди, выбивавшиеся из-под пожелтевшей дорожной вуали старинного фасона с застежкой-пуговицей на макушке. Вуаль держала на голове неровно оторванный кусок картона, а все вместе изображало, надо полагать, головной убор, производивший смешное и жалкое впечатление, какое вызывают иногда девочки в маскарадных костюмах.

Внезапно, как бывает в яркий солнечный день, на дорожке возникла еще одна женщина, и Кэмпииону, чей мозг в эту минуту не был занят ничем серьезным, лениво подумалось: «Отрадно, что природа штампует раз созданную красоту», – по аллее в их сторону шествовала ни дать ни взять кинозвезда Хелен Хопкинс. Незнакомка была восхитительна: крошечные ножки, пышный бюст, высокая белая шляпа; низ – корзина с цветами, верх – перевернутый бокал, и при всем том каждый изгиб ее пленительного тела дышал невинностью скромной пастушки. Красавица замедлила шаг, и Кэмпиион почувствовал, как сидящий рядом Оутс напрягся. Его плащ, скроенный хитроумным портным так, чтобы желеобразный живот имел благородные очертания, обвис в том месте, где этому животу полагалось быть.

Белая Шляпка быстро взглянула налево-направо. Изящные ножки засеменили к скамейке, на которой горбилась неопиcуемая фигурка, уткнувшаяся в газету. Миниатюрная перчатка легко порхнула в воздухе, и вот уже Хелен Хопкинс опять плывет по дорожке с тем же видом скромной, но уже не столь безупречной невинности.

– Ха! – воскликнул Оутс, когда она прошла мимо с явным отпечатком исполненного долга на порозовевшем личике. – Ты видел, Кэмпиион?

– А что она ей дала?

– Шестипенсовик. А может, и девять пенсов. Или даже шиллинг.

Кэмпиион вопросительно глянул на старого приятеля, который отнюдь не был склонен растрачивать время на пустяки.

– Акт милосердия?

– Чистейшей воды.

– Понимаю, – отозвался Кэмпиион, чья учтивость чуть ли не вошла в поговорку среди друзей. – Теперь такое редко встретишь, – добавил он тихо.

– И она проделывает это почти каждый день в одно и то же время, – пояснил Оутс, продолжая вести игру в потемках. – Я хотел убедиться собственными глазами. А вот и старший инспектор.

За их спинами послышались тяжелые шаги по траве, и старший инспектор Йео, полицейский до мозга костей и при этом справедливейший человек, обошел вяз и подал Кэмпииону руку.

Кэмпиион был искренне рад его видеть. Они были старыми знакомцами, и их глубокая взаимная приязнь объяснялась, как часто бывает, диаметрально разными темпераментами.

Он пожал протянутую руку, и его светлые глаза сощурились. Ясно одно: если в седую голову Оутса и могло прийти немного побездельничать, то Йео был не из тех, кто позволяет себе пустить на ветер полдня прихоти ради.

– Ну как? – широко улыбнулся Йео. – Убедились?

– Да-а, – о чем-то думая, протянул Оутс. – Страшная все-таки вещь – алчность... А ведь в этой газете, возможно, тиснуто сообщение об эксгумации.

– Да она ее не читает, если, конечно, не учит наизусть какой-нибудь стих. Ведь даже ни разу не перевернула страницу, пока мы здесь сидим. – Кэмпиион дернул узким подбородком и, наклонив голову, принялся палкой выводить на песке вавилоны. – Палиноды?¹ – немного помолчав, тихо спросил он.

Большие карие глаза Йео сверкнули в его сторону.

– Вижу, пытаетесь заинтересовать ими Кэмпииона? – спросил он Оутса, досадливо поморщившись. – Да, это мисс Джессика Палинод там, на скамейке, мистер Кэмпиион. Третья сестра, и сидит она на этом месте каждый день в один и тот же час, невзирая на погоду. Вот вы смóтрите на нее и думаете, что она, как говорится, с приветом...

– А кто другая женщина? – полюбопытствовал Кэмпиион, все еще чертивший на песке.

– Это миссис Доун Боннингтон, хозяйка Карчестер-террас, – ответил Оутс. – Она знает, что «подавать нищим нельзя», но когда видит женщину, «позволившую себе так опуститься», то ничего не может с собой поделать и подает. Своего рода предрассудок. Есть люди, которые в таких случаях хватаются за деревяшку.

– Я вам все сейчас расскажу, – вмешался Йео. – Миссис Боннингтон, обычно в это время прогуливая свою собачку, каждый раз видела Джессику. Естественно, она заключила, что бедняжка, мягко говоря, на мели. И миссис Боннингтон взяла за правило давать ей монету. И никто ни разу не остановил ее. Один наш полицейский, обратив внимание, что эта сценка повторяется чуть ли не каждый день, решил напомнить старушке о законе против нищих. Подошел к ней, увидел, чем она занята, и у него духу не хватило сделать выговор.

– И чем же она была занята?

– Разгадывала латинский кроссворд, – с самым простодушным видом ответил Оутс. – Эти кроссворды печатает одна шибко интеллектуальная газета: один – на латыни и два – на английском для детей и взрослых. А этот полицейский, будучи интеллектуалом, помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его, обожает кроссворды, и как раз именно те, которые печатает эта газета. Детские, разумеется. И он, сразу узнав свою любимую страницу с кроссвордами, был потрясен – сидит это пугало и лепит в клеточки букву за буквой, – ну и прошел мимо. На другой день она всего-навсего читала книгу, и он исполнил свой профессиональный долг, – радостно добавил Оутс. – Так знаете, что она сделала? Прочитала ему блестящую лекцию об этике полицейского, присовокупив полкроны.

– Кстати, он уверяет, что никакой полкроны не было, – вставил Йео, и по улыбке, скривившей губы, обычно сложенные в чопорную гримасу, было видно, что история его забавляет.

– Как бы то ни было, у полицейского хватило соображения выяснить ее имя и узнать, где она живет. Потом он вежливо побеседовал с миссис Боннингтон. Объяснил, кому она подает милостыню. Миссис Боннингтон ему не поверила, такой уж это характер, и с тех пор неукоснительно совершает свой маленький акт милосердия, когда думает, что ее никто не видит. Самое интересное то, что мисс Палинод, он в этом убежден, отличается сребролюбием. Говорит, что она просто жаждет этого подаяния и сердится, если миссис Боннингтон не приходит. Ну как, мистер Кэмпиион, занятно ведь?

– Честно говоря, нет, – усмехнулся Кэмпиион, – приношу тысячу извинений.

– Дело прелюбопытное, – сказал Оутс, пропуская слова Кэмпииона мимо ушей. – Войдет в анналы Скотленд-Ярда. Вы ведь оба знаете, что это за семья? В детстве даже я слышал о профессоре Палиноде, знаменитом своими литературными эссе, а жена его была поэтессой. Наши Палиноды – их дети. Станные, умные люди, проживающие в пансионе, который был когда-то их собственным домом. Живут не одной семьей, а каждый своим хозяйством. К ним

¹ Палинод, палинодия – поэтическое произведение, в котором поэт берет обратно сказанное им в другом произведении.

трудно найти подход. Я говорю это как полицейский. И представьте, кто-то из них наверняка отравитель. Вот я и подумал, а ведь это по твоей части...

– Может, оно и по моей, да только дело-то прошлое, – развел руками Кэмпион. – А где же ваше молодое поколение?

Оутс, не поднимая глаз на старого приятеля, ответил:

– Молодой Люк возглавляет отдел по расследованию убийств. Это младший сын старины Билла Люка. Помнишь инспектора Люка? Служил с нашим теперешним старшим инспектором в отделе И. Если Чарльз Люк таков, каким я его себе представляю, думаю, он с этим делом справится. Но конечно, ему нужна помощь... – И, взглянув на Кэмпиона с надеждой, продолжил: – Я хотел бы все-таки посвятить тебя в то, что нам на сегодня известно. Поверь, стоит послушать. Такое впечатление, что в этом деле замешана вся улица.

– Еще раз приношу глубочайшие извинения. Видишь ли, мне представляется, что я знаю об этом деле если не столько же, сколько ты, то почти столько. – У человека в роговых очках был самый несчастный вид. – Нынешняя хозяйка пансиона, в котором они все живут, – продолжил он, – бывшая певичка варьете Рене Роупер, моя старая знакомая. Много лет назад она оказала мне услугу. Я тогда расследовал одно веселенькое дельце – в нем были замешаны красотки из кордебалета. Так вот, сегодня утром она была у меня.

– Просила ее защищать? – хором спросили полицейские.

– Да нет, – рассмеялся Кэмпион. – Рене не ваша дичь. Она очень расстроена убийством, которое случилось у нее в доме. Даже, кажется, двумя. И предложила мне распутать эту историю. К сожалению, пришлось ей отказать, и я чувствую себя порядочной свиньей. Тем не менее я ее выслушал до конца.

– Вот как... – Старший инспектор Йео сидел, сгорбившись, как медведь, на лице его не было и тени улыбки. – Я рационалист, – продолжил он. – Но хотите знать, как бы я назвал это совпадение, мистер Кэмпион? Перстом Божьим. Нет, от этого так просто не отмахнуться. Тут виден Промысел.

Человек в роговых очках поднялся, взгляд его, скользнув по залитой солнцем траве и уткнувшейся в газету фантастической фигурке, остановился на цветочной клумбе.

– Нет, – печально покачал головой он, – нет. Ворон должен прокаркать трижды, и тогда это перст Божий. Пословицу помните?

Глава 2

Ворон накаркал

Ворон трижды прокаркает, беду накаркает.

Идя вверх по гравийной дорожке, человек в роговых очках дошел до самого высокого места, остановился и посмотрел назад. Только что покинутая сцена действия выглядела как лаковая миниатюра: ярко-зеленая трава, муаровая лента дорожки и склонившийся над газетой старый трюфель.

Поколебавшись, Кэмпиион вынул из кармана складную подзорную трубу, приставил к глазу – фигурка на скамье мгновенно оказалась на расстоянии вытянутой руки – и первый раз хорошенько ее рассмотрел. Джессика Палинод все еще сидела, уткнувшись в газету, но тут, точно кто ее толкнул, она подняла голову и глянула, как почудилось Кэмпииону, прямо ему в глаза. Конечно, она не видела ни его, ни подзорной трубы – слишком далеко. Ее лицо поразило его: загорелое, черты тонкие, даже изящные, но главное – из-под неровного края картонки, хорошо заметного из-под вуали, на него смотрели глубоко посаженные глаза, в которых светился незаурядный ум. Да, несомненно, ум был отличительным признаком этого лица.

Кэмпиион хотел было опустить трубу – ему стало не по себе, как будто он подглядывал в щелку, – и по чистой случайности оказался свидетелем следующей немой сцены: из-за кустов за спиной мисс Палинод появились двое – молодой человек и девушка. Они, скорее всего, нечаянно на нее наткнулись, и в тот миг, как попали в окуляр, юноша остановился, положил руку на плечо девушки, и они, пятясь, стали отступать в кусты.

Юноша был старше, но и ему вряд ли было больше двадцати; он отличался той угловатостью, которая обещает с годами развиться в могучее телосложение. Растрепанная голова не покрыта, румяное озабоченное лицо некрасиво и вместе с тем привлекательно. Кэмпиион прочитал в нем явную тревогу.

Девушка была еще моложе; она отпечаталась в памяти Кэмпииона как очень странно одетое существо. Ее волосы на фоне цветущих кустов отливали черным блеском маковой сердцевины. Черт лица он не разглядел, ухватил только испуганный взгляд больших карих глаз и опять же с удовольствием отметил в лице девушки недюжинный ум.

Он следил за ними в трубу, пока они не достигли спасительного куста тамариска, за которым и скрылись, невольно пробудив в Кэмпиионе любопытство. Эти Палиноды начали раздражать его, как заноза в пальце. И Кэмпииону вспомнились слова Йео о персте Божьем.

События недели неоднократно обращали к ним его мысли. И случайно подсмотренная пантомима оказалась последней каплей. Кэмпииону вдруг очень захотелось узнать, кто эта странная парочка и почему они так испугались переодетой феи, разгадывающей латинский кроссворд под сенью Гайд-парка.

Кэмпиион поспешил поскорее уйти от соблазна. На этот раз он не имел права поддаваться действию прежде неодолимых чар. Через час он позвонит Великому человеку и со смиренной признательностью примет щедрый, завидный дар, который родные и друзья приготовили для него и который до конца дней обеспечит его существование.

Переходя улицу, он заметил среди других автомобилей старинный лимузин с гербом на дверце. Высокоchtимая вдова, носительница одной из самых громких английских фамилий, ожидала его, опустив окно. Кэмпиион подошел и, сняв шляпу, подставил седеющую голову солнцу.

– Мой дорогой мальчик... – В высоком голосе слышалось изящество интонаций, свойственное людям, чья жизнь принадлежала эпохе, отделенной от нашего времени двумя войнами. – Увидела вас и решила остановиться. Хочу сказать, что я несказанно за вас рада. Знаю-

знаю, это пока тайна. Но наш милый Дорроуей был вчера у меня и поделился радостной вестью. Значит, решено окончательно. Как была бы счастлива ваша матушка!

Кэмпиион пробормотал несколько невнятных, очевидно благодарственных, слов, которые, однако, не могли обмануть прозорливости старой леди, выдавшей всякое на своем веку.

– Вам там очень понравится, – поспешила она утешить Кэмпииона, и ему вдруг вспомнилось детство: вот так же расхваливали ему взрослые подготовительную школу. – В конце концов, это последнее цивилизованное место на земле. И лучшего климата для детей не найти. А как Аманда? Все продолжает чертить аэропланы? Какие нынче умные женщины пошли. Она, разумеется, летит с вами?

– Надеюсь, что последует за мной, – не сразу ответил Кэмпиион. – У нее очень важная работа. Боюсь, с ее отъездом образуется слишком много дыр, и надо по возможности все заранее предусмотреть.

– В самом деле? – Проницательные глаза старой приятельницы его матери глядели неодобрительно. – Внушите ей, что она должна как можно скорее последовать за вами. Очень важно с политической точки зрения, чтобы жена губернатора была рядом с ним с самых первых дней. – С этими словами высокородная леди хотела было поднять стекло и ехать дальше, но тут ей в голову пришла еще одна мысль. – Между прочим, я вдруг подумала об этом вашем неопишемом слуге, – проговорила она. – Тагге или Лагге, не помню точно, с таким невозможным голосом. Я вам не советую брать его с собой. Не сомневаюсь, вы это и сами понимаете. Дорроуей совсем забыл про него, но я напостила, и он обещал поговорить с вами. Вашего доброго, верного слугу там не поймут, и могут быть осложнения. Не надо делать глупостей... – Ее синеватые губы выговаривали слова с видимым усилием. – Всю жизнь вы растрачивали свои исключительные способности на недостойных людей, у которых нелады с полицией. Теперь вам предоставлена возможность занять пост, который одобрил бы даже ваш дедушка. Я очень рада этому назначению. До свидания, дорогой мальчик, примите еще раз мои самые теплые поздравления. Между прочим, одежду для детей сшейте в Лондоне. Мне говорили, что тамошние детские вещи самого странного покроя, и мальчики от этого очень страдают.

Огромный лимузин мягко тронулся с места и укатил. Кэмпиион шагнул медленно, точно тащил в руках тяжелый церемониальный меч. И когда он сел в такси, а затем вышел из машины у своего дома на Боттл-стрит – в тупичке, отходящем от Пикадилли на север, – настроение у него было по-прежнему тоскливым.

Узкая лестница казалась уютной и дружелюбной, точно старое пальто, а как только он, повернув в замке ключ, переступил порог, тепло жилища, его святилища, где он обитал после окончания Кембриджа, приняло его в объятия, словно нежная любовница. Войдя в гостиную, Кэмпиион увидел ее будто заново: какие здесь собраны трофеи! О чем только они не напоминают! Сердце его облилось кровью.

Телефон на письменном столе нахохлился в ожидании, часы за ним показывали, что до роковой минуты осталось совсем немного. Надо взять себя в руки. Час его пробил. Кэмпиион быстрыми шагами пересек комнату и протянул руку к телефонной трубке.

Внимание его привлекло письмо на бюваре, припиленное к столешнице синим клинком кинжала, первого боевого трофея, которым он с тех пор разрезал бумаги. Кэмпиион поморщился, недовольный столь откровенной демонстрацией, но взгляд его скользнул по верхней строчке, и он, забыв о телефоне, – в жизни ему не встречалась более идиотская реклама! – склонился над бюваром и начал читать:

ЛЮБЕЗНОСТЬ, УЧАСТИЕ, КОМФОРТ на полпути ТУДА Джес Пузо и Сын, практикующие гробовщики

*Будь ты беден или очень богат,
Кому не знакома горечь утрат.
Мистеру Маггерсфонтейну Лаггу,*

*с. А. Кэмпiona, эсквайра
12 Боттл-стрит,
Пикадилли, 3*

Дорогой Маггерс, если Беатта была бы жива, а ее уже нет среди живых, что тем более жалко, ведь тогда – и ты не станешь спорить – она сама написала бы тебе, а не мы с моим мальчиком.

Сегодня за обедом мы подумали, не смог бы ты уговорить своего хозяина, если ты все еще у него служишь, посодействовать нам с этими Палинодами, ты, верно, читал о них в газете.

Экзгумация, как мы называем это вредоносное дело, может повредить нашему честному бизнесу. Все упование на тебя. Хорошо бы нам заручиться помощью твоего хозяина, для которого якишаться с полицией – обычное дело.

Почтительнейшие приглашаем его к нам на чай и беседу, к вечеру мы всегда свободны.

Письмо никому не показывай.

Всегда помнящий тебя (надеюсь, все плохое забыто).

Остаюсь искренне твой,

Джес

Окончив это увлекательное чтение, Кэмпиион поднял голову: за дверью произошло какое-то движение, и половицы в комнате сотряслись.

– Какова наглость, а?! – послышалось глубокое рокотание, и в комнату вывалился, как тесто из кастрюли на доску, Лагг собственной персоной.

Он был в неглиже и с первого взгляда поразительно напоминал заднюю часть костюма для пантомимы «слон», исполняемую двумя актерами; в руках он держал невообразимых размеров нижнюю шерстяную рубаху. «Невозможный», по выражению высокородной дамы, голос был не так и плох, дело вкуса. Во всяком случае, его гибкости, выразительности и бархатистой глубине мог позавидовать не один служитель Мельпомены.

– Ужасный человек! Пузо – он пузо и есть. Я ведь предупреждал ее, чтобы она не вышла за него замуж.

– А что, и свадьба была? – поинтересовался Кэмпиион.

– Была, – расплылся Лагг, отдавшись приятному воспоминанию. – Я тогда влил в себя чуть ли не половину английских запасов шампанского.

Кэмпиион опять протянул руку к телефону.

– А она кто? Ваша первая и единственная любовь?

– Какая любовь?! Сестренка. А он, стало быть, мой зять. Не видел его больше тридцати лет. И думать о нем забыл до этого письма.

Кэмпиион поднял голову и взглянул прямо в глаза своему преданному слуге.

– Чему он, конечно, был рад, – продолжил Лагг. Его глаза-бусинки поблескивали в складках жира негодованием, которое, однако, не могло скрыть таящегося в их глубине упрека, смешанного с растерянностью, если не со страхом. – Низкий он человек! Вы помните о моей вынужденной отлучке. Так он сразу вычеркнул меня из своей родни. Как будто я мог и его с собой прихватить. Вернул мой свадебный подарок Беатте и прислал письмо в таких выражениях, к которым такие люди, как мы с вами, не привыкли. Я уж забыл про его существование, и вот на тебе, объявился! Мимоходом сообщил о смерти сестры. А я и без него знаю. И еще просит, чтобы я ему помог. Мне уйти, пока вы будете говорить?

Человек в очках в роговой оправе отвернулся от телефона.

– Это подстроено, – коротко бросил он.

Складка, где когда-то были брови на лице мистера Лагга, полезла вверх. А руки принялись аккуратно складывать великанского размера рубаху.

– Некоторых замечаний я просто не слышу, – произнес он с достоинством. – Я, как вы видите, укладываю чемодан. Так что все в порядке. Заметку я уже отправил.

– Какую заметку?

– В газету, в раздел объявлений: «Джентльмен, слуга джентльмена, готов рассмотреть интересные предложения. Отличные рекомендации. Предпочтение отдается титулованной особе». Я не могу поехать с вами, хозяин. Не хочу стать причиной международных осложнений.

Кэмпиион сел за стол и перечитал послание червекопателя.

– Когда точно оно пришло?

– С дневной почтой. Десять минут назад. Могу показать конверт, если не верите.

– А старушка Рене не могла его на это подбить?

– Как бы это она могла? Она ведь не плясала на свадьбе Беатты тридцать пять лет назад, – презрительно отпарировал Лагг. – И что вы так волнуетесь? Простое совпадение. Тут Палиноды, там Палиноды... Да не берите вы это письмо в голову! Кто он такой, этот Джес?

– Разумеется, никто. Да ворон-то третий раз каркнул, – проговорил Кэмпиион, и на его лицо вернулось мягкое, приветливое, безмятежное выражение.

Глава 3

Старомодный и странный

Участковый инспектор ждал в верхней комнате солидного на старинный лад питейного заведения «Герб путейцев», которое находилось в глухом закоулке его участка.

Кэмпион пришел в начале девятого, как было условлено со старшим инспектором. В голосе Йео по телефону открыто звучали довольные нотки: «Я знал, что вы не устоите, – сказал он. – Библейский мудрец прав: леопарду не отмыть своих пятен. В характере нашего брата имеется черточка, притягивающая дела, которые как будто специально для нас созданы. Я сколько раз это наблюдал. Вас сам Бог послал семейству Палинодов, не говоря уже о Скотленд-Ярде. Я немедленно свяжусь с Чарли Люком. Лучше всего вам встретиться в местном ресторанчике. Не сомневаюсь, Чарли вам понравится».

Кэмпион вошел в ресторан, поднялся по деревянной лестнице на второй этаж и очутился в обитом полированными панелями зальчике, который нависал над круглым, как цирковая арена, нижним залом. Сын Билла Люка сидел на краешке стола, руки засунуты в карманы, шляпа надвинута на самые глаза, рукава цивильного пиджака бугрятся от непомерно развитых мускулов – ни дать ни взять главарь банды. Он был явно высок, но могучее, на редкость пропорциональное сложение скрадывало рост. Лицо смуглое, подвижное, готовое в любую минуту расплыться в улыбке, отнюдь не добродушной; живые, узкого разреза глаза; твердо очерченный нос.

Увидев Кэмпиона, Чарли Люк поспешно встал и протянул руку.

– Очень рад вас видеть, – произнес он тоном, не оставляющим сомнений, что действительно рад.

Участковый инспектор – полновластный хозяин своей территории, пока не случается что-нибудь из ряда вон выходящее. Тогда старший инспектор из Скотленд-Ярда может прислать ему подмогу по своему усмотрению. И каким бы прекрасным сыщиком участковый ни был, прикомандированный офицер становился его начальником. Кэмпион в душе посочувствовал молодому Люку.

– Надеюсь, положение не такое уж скверное, – проговорил он дружелюбно. – Сколько на сегодняшний день у вас на руках убийств, подкинутых Палинодами?

Глаза-щелочки остро глянули на Кэмпиона, и тот увидел, что участковому инспектору явно не больше тридцати пяти – рекордный возраст для такой должности.

– Что будете пить? – спросил Люк и стукнул указательным пальцем по горбтому колокольчику на столе. – Отправим мамашу Чабб под этим предлогом вниз и поговорим без посторонних ушей.

Обслуживала их сама хозяйка, маленькая, подвижная, быстроглазая женщина с вежливым, чуть испуганным лицом и седыми буколками, аккуратно уложенными под сеткой.

Она кивнула Кэмпиону, потупив глаза, и, получив деньги, удалилась.

– Ну так вот, – начал Чарли Люк, моргнув. Его голос, сильный, богатый интонациями, звучал, пожалуй, немного провинциально. – Не знаю, что вам известно, и потому начну по порядку. Тревогу забил доктор Смит...

Кэмпион не имел чести знать доктора Смита и вдруг воочию увидел его – фигура доктора, черты лица стали выступать в воображении, как портрет на бумаге под рукой художника.

– ...довольно высокий старик, хотя не такой уж старик, конечно, – пятьдесят пять лет. Женат на сущей мегере. Выходит из дома по утрам взвинченный, спешит к себе в приемную на этой же улице. Сгорбленный, как верблюд, взгляд загнанный, из воротника торчит длинная шея, голова покачивается – чисто черепаха. Штаны болтаются как на вешалке. А человек он

добрый и совестливый. Звезд, правда, с неба не хватает, но врач хороший и безотказный. Старая закваска. Превыше всего дорожит профессиональной честью. И этот человек стал вдруг получать гнусные письма, которые здорово выбили его из колеи.

Чарли Люк говорил как по писаному, помогая себе жестами и даже телодвижениями: помянув верблюда, он дугой выгнул спину; описывая шею, покачал головой. Его огромная физическая сила делала повествование особенно убедительным, он вбивал в слушателя факты, как молот вбивает сваи. И Кэмпиион вдруг явственно почувствовал смятение, какое произвели в душе доктора письма.

А младший Люк уже несся, как лавина, дальше.

– Я вам покажу целую стопку этой мерзости. – Твердые, энергичные губы высекали слова, руки оглаживали их. – Содержание – обычная ругань. Писал, похоже, псих. И псих этот, скорее всего, женщина, причем весьма опытная в любовных делах и не такая уж невежественная, если судить по орфографии. Письма обвиняют доктора в том, что он якобы способствовал сокрытию убийства: старая дама Руфь Палинод не умерла своей смертью, она была убита, похоронена – и концы в воду. А виноват в этом доктор Смит. Сначала доктор старался не придавать письмам значения. Но однажды ему пришло в голову, что ведь и его пациенты, верно, получают такие же. Случайно услышанное на улице слово стало обретать зловещий смысл. Доктор задумался. Перебрал в уме симптомы, сведшие старуху в могилу, и вдруг испугался до смерти. Поделится со своей женой, та стала еще больше мучить его. В конце концов нервы у бедняги не выдержали, он обратился к своему собрату по профессии, который посоветовал пойти к нам. Смит последовал совету, и дело попало ко мне. «Боже мой, – сказал он, когда мы встретились, – а ведь мышьяк-то нельзя исключить. Но мне в голову не могло прийти, что возможно отравление». – «Не волнуйтесь так, доктор, – успокаивал его я. – Наверняка это грязный розыгрыш. У этих писем есть автор. Мы его найдем, и все встанет на свои места». Между прочим, я отсюда иду на Эйпрон-стрит.

– И я с вами, – быстро откликнулся Кэмпиион, стараясь не показать возрастающий интерес. – Дом Палинодов ведь на этой улице?

– Да, только надо сначала описать вам ее в общих чертах. Это, скорее, не улица, а переулок. По обеим сторонам – магазины. На одном конце – старая часовня, в ней интеллектуальный театр «Феспид»², безобидное заведение; на другом – Портминстерская ложа – дом Палинодов. Улица, как и весь район, за тридцать лет заметно одряхла, и вместе с ней – интересующий нас дом. Он принадлежит сейчас приятной пожилой даме, бывшей актрисе варьете, а ныне содержательнице пансиона. Дом был заложен, срок закладной истек, и ей его отдали. Ее собственный дом разрушила бомба. Захватив с собой нескольких постояльцев, она переехала сюда. Палиноды достались ей вместе с домом.

– Мисс Роупер моя давняя знакомая.

– Вот оно что! – Яркие щелочки глаз Люка превратились в два вытянутых ромба. – Тогда ответьте мне на вопрос: а она не могла написать эти письма?

Брови у Кэмпииона взметнулись выше очков.

– Я ее так близко не знаю и не могу сказать наверняка, – мягко проговорил он. – Но думается, она не из тех, кто забывает подписываться.

– И у меня сложилось то же впечатление. Мне, знаете ли, она понравилась. – Люк говорил совершенно серьезно. – Хотя всякое может быть. Женщина одинокая, лучшие деньки позади. Нелегкая, унижительная работа, ненависть к этим нищим господам. Возможно, они ее поедом едят: их старое гнездо на глазах разрушается, а ей и горя мало. – Люк немного помолчал и с горячностью продолжил: – Не думайте, я не ставлю ей это лыко в строку. У каждого человека на дне души своя муть. И жизнь иногда так повернется, что муть эта может выйти наружу. Я ни

² *Феспид* – древнегреческий поэт, которого принято считать родоначальником аттической трагедии, VI в. до н. э.

в чем не подозреваю нашу увядшую розочку, просто все приходится проверять. Может, она хочет избавиться от них всех скопом и придумала такой способ. А может, влюбилась в доктора Смита и решила помучить его. Хотя, конечно, для шашней возраст уже не тот.

– А кто еще мог бы?

– Писать эти письма? Несколько человек наберется. Да любой из пациентов. После очередной головомойки дома доктор какое-то время просто не в себе, а клиенты его – люди больные, нервные. Но если мы сейчас станем перебирать возможные варианты, просидим здесь всю ночь. Пейте, сэр. Я буквально в двух словах остановлюсь на других обитателях. На углу, против театра, – бакалейная лавка, торгующая и скобяным товаром. Ее хозяин переехал из провинции в Лондон пятьдесят лет назад. Торгует он, как будто это фактория на краю света. Кредит неограничен, вследствие чего, конечно, бывают неприятности. Сыр лежит рядом с керосином, ну и все такое. Палинодов знает всю жизнь. Старый профессор помог ему начать дело; бакалейщик помнит добро, и, если бы не он, кое-кто из Палинодов в конце квартала клал бы зубы на полку. Рядом с бакалейной лавкой – угольщик. Он здесь недавно. Затем – приемная доктора Смита. Его сосед – зеленщик. Этот вне подозрений. У него куча детей, и все дочери. Напудренные, накрашенные, а под ногтями чернозем. Дальше – аптекарь. – Чарли Люк явно старался говорить тише, но перегородки все равно дрожали от его зычного голоса.

Наступившая вдруг тишина бальзамом пролилась на уши Кэмпiona.

– Аптекарь может представлять интерес? – спросил он – рассказ инспектора становился все занятнее.

– Еще какой! Хотя сейчас на экран кино. Аптека у него – не аптека, а кунсткамера. Чего в ней только нет! Слыхали когда-нибудь о таком снадобье: «Лекарство от кашля и живота. Бабушкин яблочный сад»? Разумеется, нет. А ваш дед принимал его утром, в обед и вечером. Так вы и его найдете у папаши Уайлда, и даже в той самой упаковке. А сколько там выдвижных ящичков со всякой гадостью! А запахи? Как в спальне у больной старухи. И среди всего этого сам папаша Уайлд: крашенные волосы и тугие-претугие воротнички. – Люк натужно задрал подбородок и выпучил глаза. – Узкий черный галстук, полосатые брюки. Когда старый Джоуи и Джес Пузо выкапывали мисс Руфь Палинод, а мы стояли вокруг и угрюмо ждали, пока сэр Доберман наполнял свои вонючие банки, признаюсь, я вдруг вспомнил папашу Уайлда. Не хочу сказать, что именно он отправил старуху на тот свет – если все-таки ее кто-то туда отправил, – но держу пари: зелье взято из его кладовых.

– Когда будет готов анализ?

– Уже есть предварительные результаты. Окончательный ответ получим поздно вечером. Скорее всего, к полуночи. Если будет обнаружен яд, тут же разбудим гробовщиков и выроем старшего брата. У меня уже есть ордер на эксгумацию. Отвратительное это дело – кости, смрад, брр! – Он затряс головой, как вымокший под дождем пес, и отпил из бокала.

– Старший брат? Самый старший из детей профессора Палинода?

– Да, Эдвард Палинод, умер в возрасте шестидесяти семи лет в марте этого года. Значит, семь месяцев назад. Надеюсь, он еще не совсем разложился. Кладбище у нас старое, сырое, давно пора закрыть.

– Мы остановились на подозрительном аптекаре, – улыбнулся Кэмпон. – Следующий кто? Может, перейдем к Палинодам?

Инспектор немного подумал.

– Пожалуй, – согласился он с явной неохотой. – На другой стороне улицы только этот тип Пузо, крошечное отделение банка Клофа, переулок Мьюз и самая худшая в мире забегаловка «Лакей». Дом Палинодов стоит на углу, на той же стороне улицы, что и аптека. Дом – огромный и облезлый, как старый верблюд. В нем, как мне сказали, есть обширные подвалы. С одной из сторон – маленький скверик, песчаные дорожки, обсаженные лавровым кустарником. Этот скверик – царство кошек и пустых бумажных пакетов.

Люк опять замолчал. Энтузиазма в нем явно поубавилось, глаза помрачнели.

– Знаете что? – вдруг с облегчением вздохнул он. – Хотите, я покажу вам капитана? – Он мягко поднялся со стула с той осторожной пластичностью, какая свойственна силачам, подошел к стене, где висел большой щит, рекламирующий ирландское виски, и сдвинул его в сторону. За щитом оказалось застекленное оконце, сквозь которое хозяин мог незаметно следить за происходящим внизу. От центральной стойки отходили перегородки, образуя несколько отдельных залов, сейчас заполненных посетителями. Верхние гости смотрели вниз, сблизив головы, их наблюдательный пункт находился в глубине ресторана.

– Вот он, – сказал Люк, понизив голос, который пророкотал, точно отдаленный гром. – Видите? Высокий старик в зеленой шляпе?

– Тот, что разговаривает с Прайс-Уильямсом из «Сигнала»? – Кэмпиион узнал благородной лепки голову одного из самых блестящих лондонских репортеров уголовной хроники.

– Прайс пока не раздобыл ничего заслуживающего внимания. И сейчас у него явно разочарованный вид. Смотрите, чешет в затылке, – тихо проговорил инспектор с затаенным азартом страстного рыболова.

Во всем облике капитана заметно проглядывала военная выправка. Подтянутый, сухопарый, как будто только вчера вышедший из эдвардианского времени, он, потихоньку ссыхаясь, старел. Волосы и узкая щеточка усов были так коротко подстрижены, что не определялось, седые они или просто русой масти. Кэмпиион не слышал его голоса, но не сомневался, что тембр приятный, бархатистый, с легкими укоризненными нотками. На тыльной стороне ладоней наверняка есть пигментные пятна, как на лягушечьей коже, на пальце – скромное кольцо с печаткой, а в портмоне – десяток визитных карточек.

«Как у такого человека может быть сестра, которая носит на голове вместо шляпки кусок картона, подвязанный вуалью, и ни капли при этом не смущается?» – мысленно изумился Кэмпиион и, подумав немного, высказал это вслух.

– Прошу меня простить, – повинулся Люк. – Должен был сразу сказать: капитан не имеет никакого отношения к семейству Палинодов. Он постоялец пансиона. Рене привела его с собой. Он ее любимец, занимает одну из лучших комнат, зовут его Алестер Сетон. Капитан служил в регулярной армии, откуда и ушел на пенсию по здоровью. Кажется, сердце. Пенсия у него около четырех фунтов четырнадцати шиллингов в неделю. Но он настоящий джентльмен и старается, как ни трудно, вести жизнь, достойную джентльмена. Этот трактир – его тайное прибежище.

– О господи! – воскликнул Кэмпиион. – Ходит сюда, а дома, наверное, говорит, что у него важное деловое свидание.

– Да, не исключено, – сочувственно кивнул Люк. – Свидание с Нелли и пивной кружкой. Но он, вопреки себе, любит эти тайные посещения. С одной стороны, его гордость, конечно, страдает от того, что приходится якшаться со всякой швалью, но с другой – здешняя обстановка щекочет ему нервы, вносит разнообразие в унылую жизнь.

На минуту воцарилось молчание. Взгляд Кэмпииона скользил по верху голов. Он снял очки и, не поворачивая головы, неожиданно поинтересовался:

– Почему вы избегаете разговора о Палинодах, инспектор?

Чарли Люк наполнил бокал, посмотрел на него, и в его глазах вспыхнули искорки.

– Я не избегаю, я просто не могу о них говорить, – решительно заявил он.

– Почему?

– Не понимаю я их, – признался Люк, как признается в невыученном уроке лучший ученик.

– Как это не понимаете?

– Вот так. Не понимаю, что они говорят, и всё. – Сев на краешек стола, он развел свои мускулистые руки и продолжил: – Если бы они говорили на иностранном языке, я брал бы с

собой переводчика. Но в том-то и дело, что они вещают на моем родном языке. И не молчат. Говорят часами, очень любят поговорить. Когда я ухожу от них, голова гудит, как пчелиный улей. А читая стенографическую запись, зову стенографистку, может, она где ошиблась? Но нет, никаких ошибок. Она их тоже не понимает.

Опять замолчали.

– А слова эти... э-э... длинные? – запинаясь спросил Кэмпион.

– Нет, не очень, – ничуть не обиделся Люк. – Их трое, – наконец решился он приступить к нелегкой теме. – Было пятеро, двое умерли, осталось трое: мистер Лоренс Палинод, мисс Эвадна Палинод и «малышка» – мисс Джессика Палинод. Та самая, что ежедневно ждет в парке милостыню. Ни у кого из них нет состояния, о котором стоит говорить. Просто уму непостижимо, кому понадобилось их убивать! Поначалу... И они не идиоты. Поначалу я посчитал их всех с приветом, но потом понял, что ошибался. Нет, не могу о них говорить. Вы должны увидеть их своими глазами. Когда планируете поселиться у Рене?

– Да прямо сейчас. У меня и чемодан с собой.

– Приятная новость, – довольно хмыкнул инспектор. – У дверей дежурит полицейский, которого зовут Коркердейл. Он вас знает в лицо. Приношу извинения, что не смог как следует описать Палинодов. Они из другого века, ни на кого не похожие. И это не просто слова. Познакомьтесь с ними – сами убедитесь. – Люк наклонился к бокалу и похлопал себя по животу. – Я знаете до чего с ними дошел? – добавил он. – Когда о них думаю, меня начинает тошнить. А результаты анализа, как получу, тотчас отправлю вам с посылным.

Кэмпион допил бокал, взял чемодан и тут еще кое о чем вспомнил.

– А кто эта девушка? – спросил он. – Высокая, черноволосая, только вот лица ее не разглядел.

– Это Клайти Уайт, – спокойно ответил Люк, – племянница. Когда-то было шесть Палинодов. Одна сестра вышла замуж за врача. Он повез ее в Гонконг. Пароход, на котором они плыли, затонул, их еле спасли, и она родила дочку, не успев просохнуть от морской воды. Отсюда имя – Клайти. Не ждите от меня объяснений, я повторил то, что мне сказали.

– Ясно. Она тоже живет у Рене?

– Да. Когда она чуток подросла, родители отправили ее в Англию. И правильно сделали, потому что в Гонконге их обоих убили. Сейчас Клайти восемнадцать лет. Она работает в «Литературном еженедельнике», наклеивает марки, продает газеты, а когда научится печатать на машинке, будет сама писать.

– А молодой человек кто?

– Который на мотоцикле?! – Инспектор выпалил это с такой злостью, что Кэмпион вздрогнул.

– Мотоцикла я не видел, – пожал он плечами. – Они были в парке.

Юношеское еще лицо Люка потемнело, верхние веки опустились, погасив блестящую щелку глаз.

– Бычок и бродячий котенок – вот кто они! – резанул инспектор грубовато и вдруг, взглянув Кэмпиону прямо в лицо, обезоруживающе рассмеялся и, как бы укоряя себя, добавил: – Такой маленький славный котенок. Еще и глазки не открылись.

Глава 4

Надо быть начеку

Кэмпион тихонько поднялся по ступенькам и, глянув в окно, забранное блестящей решеткой, увидел кухню – чрево Портминстерской ложи.

Хозяйничала там Рене, почти такая же, как десять лет назад. Она стояла боком, опершись на кухонный стол, и разговаривала, с кем – не видно. Мисс Роупер, скорее всего, было под шестьдесят, хотя для верности надо бы, наверное, набросить лет десяток. Ее маленькая фигурка все такая же ладная, может, только немного опали округлости по сравнению с теми далекими днями, когда она лихо отплясывала на провинциальной сцене. И волосы все того же чудесного, слегка неправдоподобного каштанового цвета. Одетая она была нарядно: в яркую, пышную блузку, заправленную в узкую черную не очень длинную юбку.

Рене заметила Кэмпиона, когда тот, миновав батарею молочных бутылок, поймал взглядом ее вздернутый носик и большие навывкате глаза, и поспешила к входной двери.

– Кто там? – мелодично проворковал ее голосок, точно собирался запеть. – А, это вы, лапушка. – Голос обрел разговорные интонации, но его обладательница явно чувствовала на себе огни рампы. – Входите, дорогой! Какое счастье, что вы приехали! Буду помнить вашу доброту до конца жизни. А как матушка? Ничего?

– Могло быть лучше, – ответил Кэмпион, похоронивший мать десять лет назад.

– Знаю. Но не надо гневить судьбу. – Рене похлопала его по плечу, как бы в утешение, и пошла в дом.

Кэмпион последовал за ней.

Это была типичная кухня в цокольном этаже старого лондонского дома: по стенам – переплетение труб, непонятного назначения ниши, каменный пол... Унылую серость скрашивали сотни фотографий и афиш, иллюстрирующие всю жизнь Рене на сцене; стены были увешаны ими от пола до потолка. Радовали глаз и пестрые плетеные коврики, брошенные поверх циновок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.